

Přeložte do češtiny tučně označené části (pozor, jsou rozesety v celém textu, nikoli jen na začátku a na konci), soubor se svým překladem vložte do odevzdávacího do pátku 28.10.

ТАТЬЯНА ДЕРВИЗ

Татьяна Евгеньевна Дервиз, астрофизик, кандидат физико-математических наук, работает в Санкт-Петербургском государственном университете. Ее записки, относящиеся к 40-60-м годам прошлого столетия, воскрешают многие реалии тогдашней жизни. Цепкая память и широкий круг интересов автора делают эту книгу интересной для современного читателя. Большая ее часть была напечатана в журнале "Звезда" под названием "Рядом с Большой Историей". Эта публикация была отмечена Премией журнала "Звезда" за лучший дебют 2009 года.

Татьяна Дервиз Рядом с большой историей

Как учились

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь
А.С.Пушкин

До школы никто меня специально ничему не учил, кроме, конечно, необходимых жизненных навыков – как мыться, как зубы чистить и тому подобное. Главным человеком в доме до самой своей старости была бабушка, мамина мать. Она вела хозяйство, но помимо этого прекрасно рисовала, шила, вышивала и вообще была рукодельница. Я всегда при ней, интересуюсь, что она делает. Она никогда не говорила мне: - отойди, не мешай, не до тебя. Наоборот. Все попытки подражать ее деятельности приветствовались. Более того, она нисколько не боялась лет в пять дать мне в руки иголку, ножницы, а на кухне при себе даже ножик. Она просто показывала мне, как правильно все делать. Поэтому в эвакуации к семи годам я свободно растапливала печку, от меня никто не прятал спички, потому что я твердо знала, что спички не игрушка, и умела ими пользоваться.

- Как это, не умею? - говорила бабушка. – А ты научись! - И я старалась. Худшие оценки из уст бабушки были: белоручка или кисейная барышня, неженка. А еще она, закончив какую-нибудь трудную для себя работу, говорила: - Ну вот, если женщина захочет, она поставит самовар! – и в ответ на мое всегдашнее – почему? – объяснила, что ставить самовар – это была традиционно мужская работа. Но знай, говорила она частенько, когда я уже стала постарше: - женщина должна уметь все!

Я хорошо запомнила момент, когда я научилась читать, опять-таки благодаря бабушке. Буквы я знала, у меня были кубики с ними. До войны бабушка читала мне вслух довольно много, а в эвакуации времени свободного у нее совсем не стало: готовить трудно, да еще надо всех обшивать, чинить, стирать. Брат был на пять лет старше, но читать мне отказывался, заявляя, что детские книжки ему скучно. И вот, однажды в ответ на мои мольбы – Ну, бабушка, почитай! – Она вдруг мне и скажи: -

Видишь, я шью, а ты лучше сама мне почитай! – Я не умею! – А ты научись! Возьми Почемучку и почитай!

Имелась в виду моя любимая «Что я видел» Бориса Житкова. Ее мне читали так часто, что многие куски я помнила наизусть, особенно, начало. Это несомненно помогло. Я открыла книгу, а бабушка спрашивает: - Какая там первая буква? – К! – А дальше? – О! – А потом? – Г! – Д! – А! – А вместе? – Честное слово, я помню этот миг – само сложилось слово «когда»! –Когда, бабушка, когда!! - Вот видишь, и научилась, – сказала она буднично. - Читай дальше. Не скрою, сначала я продвигалась не быстро, но с каждым днем, все легче и легче. Потом бабушка мне сказала, чтобы я читала шепотом. Я попробовала – получилось. Тогда новый совет: - А теперь – про себя повторяй и губами старайся не шевелить! – Так и пошло. К началу школы я читала все, что попадало под руку. Незнакомые слова и знаки препинания бабушка объясняла, а скоро и это отпало. А вот правильно писать я училась в школе.

В школу я пошла в 1943 году, в маленьком поселке Ярославской области. Никогда, вплоть до окончания, я не видела лучшей школы и лучшей учительницы. И это отнюдь не преувеличение.

Кирпичное здание школы занимал госпиталь, так что школа вернулась в свой старый, дореволюционной постройки, большой бревенчатый дом. Это была семилетка («неполная средняя школа»), но в общей сложности детей было немного. Поэтому всего было три учителя и две помощницы, студентки педтехникума, Нина и Валя. Учителя были: Николай Михайлович Головин, он же директор, учил с 4-го по 7-й классы, его жена Юлия Федоровна, учила с 1-го по 3-й класс, и одорукий военрук Николай Павлович в гимнастерке и шинели без знаков различия, учил физкультуре, военному делу и проводил политбеседы про положение на фронте. Еще была «техничка» тетя Паша и ее старый муж дядя Ваня. Кроме топки печей и уборки, они еще и звонили в звонок (ручной колокольчик).

Головины были учителя еще дореволюционной выработки. Уже в те годы была даже издана книга про них, «Народный учитель» (к сожалению, не помню автора). Я ее с большим интересом прочитала и узнала, что Юлия Федоровна окончила училище перед самой революцией и поехала учить детей в село. Николай Михайлович был из местных, учился у нее уже взрослым. Так они и поженились. Как всем учителям, им дали в поселке казенную квартиру и, что удивительно, не отобрали и не уплотнили после революции. Там была обстановка совершенно литературная, конца XIX века: узкое зеркало в простенке, гнутый диванчик и кресла, круглый стол под длинной скатертью с бомбошками, фисгармония, висячая керосиновая лампа с абажуром над столом, специальный узкий столик с самоваром. Детей у них, кажется, не было, но, впрочем, тогда меня по малости лет это не интересовало.

Они знали всех жителей соседних деревень. У них учились уже сыновья и даже внуки их первых учеников. Почти каждое утро в классе начиналось с того, что Юлия Федоровна справлялась у кого-нибудь из детей о здоровье матери или бабушки, отцы поголовно были на фронте.

1-го сентября я вместе с другими госпитальными детьми пошла в школу, т.е. просто пересекла большой двор, скорее поляну, заросшую низенькой травкой. Никому из родителей тогда и в голову бы не пришло «проводить» детей в первый класс, да они и не смогли бы – работали. Все дети собрались у крыльца по классам. Николай Михайлович стоял на крыльце. Он что-то кратко сказал, после чего из двери вышла тетя Паша и, подняв колокольчик над головой, громко зазвонила. Все пошли внутрь.

Старое здание было тесновато. В одной комнате стояли парты в четыре ряда. Два ряда – первый класс, два – второй. Это было неудобно, и вскоре мы стали учиться в две смены – неделю в первую, неделю во вторую.

Я не знаю, осталось ли школьное оборудование со старых времен, или Головины сами где-нибудь особо его заказывали. Ничего похожего я не видела даже в Ленинграде. Я просто перечислю, что было в нашем классе.

Огромная доска, светло коричневая, начинавшаяся низко над полом, удобная для самых маленьких. Около нее ящички для мела, белого и цветного. Деревянная линейка-решетка, чтобы нарисовать на доске прямую или косую клетку. Настоящая заячья лапка (очевидно, последняя фаланга) чтобы аккуратно сметать сверху вниз мел с доски в специальный желобок, (а не возить грязной мокрой тряпкой, как это было всюду потом). Помню, как однажды Ю.Ф. сказала одному местному мальчику, что лапка совсем стерлась, пусть отец пришлет новую. По доске вверх и вниз передвигалась деревянная линейка, в которую можно было вставлять картонки с буквами. Сами буквы хранились в шкафу.

Парты, сверху черные, гладкие и блестящие, с углублениями для чернильниц и ручек, были разных размеров, и нас рассадили по росту. Стол у учителя был письменный, с тумбами и ящиками. У стены стоял застекленный шкаф. В нем было много разного: буквари (кстати, авторами были Головины), хорошие тетради для писания в классе, акварельные краски на картоночках, с кисточками, и стеклянными чашечками для воды, много цветных литографий известных картин, мы учились рассказывать, что на них нарисовано, ящик-клетка для всех чернильниц, много ножниц и цветной бумаги, наверное и что-то еще.

На стене рядом с доской с одной стороны висела большая карта СССР и Европы, на которой флажками каждый день отмечали линию фронта, а с другой - плакат с письменным написанием букв.

По всей продольной стене тянулся длинный ряд крючков – раздевались в классе. Почти все ходили в обуви с галошами, их тоже снимали, оставались в валенках, в шубенках или даже в толстых носках. В углу была печка, уже вытопленная к началу уроков.

Было плохо с тетрадями, поэтому дома писали в самодельных из какой попало бумаги, а в классе – в настоящих. Букварь был у каждого, но его тоже не носили домой. Каждому выдали ручку с желтым пером №86 для дома, а в классе писали другими. Промокашки тоже были только в классе.

Каждое утро дежурный расставлял по партам чернильницы, а наливала чернила, если их было мало, сама Ю.Ф.

На перемене нас выпускали на улицу, бегать и играть можно было сколько угодно, но диких жестоких драк не запомнила.

Первое появление Юлии Федоровны произвело на меня ошеломляющее впечатление. Она была маленького роста, с высокой седой прической валиком, как на бабушкиных старых фотографиях. При этом длинная до щиколотки черная юбка, белая блузка с высоким воротом, заколотым брошкой, и туфли на высоких каблуках. Пальто она снимала где-то помимо класса, а вот шляпку, настоящую кокетливую шляпку, вынув длинную булавку, она снимала в классе и водружала на шкаф. Зимой у нее на плечах был большой шерстяной платок. Частенько она на перемене привлекала к себе кого-нибудь под платок, как под крыло, и о чем-то с ним тихо говорила.

Ю.Ф. умела учить всех и каждого в отдельности.

Допустим, я и еще два-три человека умели читать. Не оставлять же нас без дела? Моим слабым местом было письмо. Значит, пока другие складывали на доске слова, я

получала задание написать лишнюю строчку. А если учились арифметике, то она, прохаживаясь между партами, тому, кто решил пример, немедленно давала решать новый.

Произошел даже такой удивительный случай. Медсестра из госпиталя упросила Ю.Ф., чтобы ее пятилетняя дочка ходила в класс, просто потому, что ее не с кем было оставлять дома, а ведь мать не могла не работать! И вот этой Люсе отвели место сбоку на передней парте, и она там тихо что-то рисовала, а на переменах играла с нами. Ю.Ф. иногда к ней подходила, что-то ей отдельно показывала. Ко всеобщему удивлению, Люся закончила первый класс с показателями не хуже других, и в неполные шесть лет получила право перейти во второй.

А еще, именно с того времени, я усвоила простые, полезные приемы и правила: как сидеть, чтобы не кривилась спина; как упражнять глаза: на доску – в тетрадку, на доску – в тетрадку, 10 раз (и обязательно сказать, если мелкие буквы на географической карте не различаешь); как правильно класть тетрадку и держать перо, чтобы не уставала рука; как стоять у доски, когда показываешь указкой, (посмотрите, как стоят или беспомощно мечутся у карты погоды, заслоняя все изображение спиной, наши необученные телевизионные комментаторы, и вы поймете, что я имею в виду), и многое другое.

С таким педагогическим приемом, как вызов родителей в школу, я вообще столкнулась только в Ленинграде. И это при том, что далеко не всем учение давалось легко, были даже второгодники. Юлия Федоровна сама творила суд и расправу. «Помолчи, пустобрех!» - это когда кто-то болтал на уроке. «Сядь на последнюю парту, остынь» - это уже сильнее, ибо приравнивало к двоим второгодникам, сидевшим по неписаному правилу на последних партах. «Тебя сегодня даже спрашивать не хочу!» - так сильно, что кончалось иногда слезами.

Никогда никого не хвалила и не ругала «перед всем классом», тем самым никого не унижали. А запомнила я (и, вероятно, не только я), как однажды Юлия Федоровна остановилась возле одного мальчика и сказала: - Матери скажи, что я тобой довольна (за точность этой фразы не поручусь, а дальнейшее запомнила точно), - Так и передай, что Юлия Федоровна довольна. Он так покраснел, что уши стали прямо алыми, а Ю.Ф. пошла по проходу дальше.

Между прочим, это была ее манера – ходить между партами. Так она мимоходом могла поправить или даже заплести чью-нибудь распутившуюся косичку, провести по волосам рукой, а могла и постучать костяшками пальцев по темечку, видя кляксы в тетрадке, и приговаривая иногда даже такое: - Ишь, навозил, говновоз несчастный! – она говорила по-местному, сильно на о.

Это слово на селе не было ругательством. А вот мат, конечно, был. Но! Считалось последним делом ругаться при девочках. И это в нашей детской среде соблюдалось.

Как все хорошее, первый класс закончился, и не успел начаться второй, как мы поехали дальше на запад, в Речицу, в Белоруссию.

По простоте душевной я думала, что все школы будут такие же. Не тут то было. Здание, правда, было большое, каменное, двухэтажное. Когда я нашла свой второй класс, то картина была такая. По партам носились здоровенные лбы и кидались разными предметами, в том числе чернильницами-непроливайками, от которых были брызги на стенах и одежде, что и составляло цель бросания. Все истошно кричали и ругались матом. Девочки жались по низам, ведь сидеть за партами было невозможно. Все были в пальто и шапках. Уже потом я рассмотрела, что некоторые мальчишки были в немецких военных мундирах без погон, но с ненавистными черными петлицами на воротнике. (Речицу сравнительно недавно освободили).

Когда публика увидела новенькую, да еще с портфелем (достался от старшей дочки хозяйки), начался настоящий шабаш. Портфель тут же отняли, все вытряхнули и стали им кидаться, при этом моментально украли деревянный пенал. У всех в сельской школе были такие. Их делали сами деревенские, они были некрашенные, но гладенькие, а на крышке каждый сам делал «прожигалом» рисунок или надпись. Он исчез навсегда. Меня дергали за косички, одна расплелась, и ленточка тоже исчезла. Ее мне было жаль даже больше, это был подарок моей прежней подружки ко дню рождения. От неожиданности и потрясения я даже не заплакала и продолжала стоять у двери, пока не пришла учительница.

Звонки, как выяснилось, не работали, но в колокольчик (какие нежности!) никто не звонил, приходила учительница и пыталась начать урок. Получалось плохо. Думаю, что она, может, и сама боялась, такой у нее был робкий и замученный вид, в каком-то драном пальто и сдвинутом назад, на шею головном платке (и это после подтянутой Юлии Федоровны!). Помню, что называлась Анна Константиновна. С ее появлением кое-какие сдвиги произошли. Девочки кинулись к ней и, видимо, стали жаловаться, показывая на мальчишек. Достигли возвращения портфеля с разорванной «Родной речью» и пресловутой непроливайкой, и красного берета, которым я очень дорожила (мамин!). Мне отвели какое-то место, как оказалось, непостоянное. Кто куда хотел, туда и садился.

Разобравшись со мной, учительница начала громко выкрикивать какие-то непонятные мне слова – пыцунник, барба, бедуля и вдруг - Васильева – оказалось, это фамилии. Но перекричать она общий гам не смогла и перекличку бросила. После чего предприняла потрясающий маневр: улучила момент, сорвала шапку с особо здорового верзилы и выбросила ее в коридор. Мера, очевидно, была испытанная. Все главные персонажи во главе с владельцем шапки вывалились в коридор, она закрыла двери, и начался хоть какой-то урок.

Меня вызвали к доске и велели для проверки что-то написать. Доска была черная, шершавая и вся исписана матом. Я с ужасом смотрела на отвратительный грязный ком тряпки, не решаясь взять его в руки. Однако пришлось. А мел?! Ведь Ю.Ф. научила нас заворачивать мел в бумагу, чтобы не пачкать руки, а потом и одежду, а тут он вообще почти весь был пропитан чернилами. Но сами испытания пошли успешно, и меня официально оставили во втором классе, хотя я из-за всяких переездов пришла уже в конце второй четверти. Вот какой запас прочности дала мне сельская школа!

Прошли два урока, и на большой перемене в класс принесли и стали всем раздавать по два кусочка хлеба и два – сахара. Учительница, спасибо ей, проследила, чтобы у меня не отняли, так как все «крутые» для получения хлеба тут же ввалились в класс, но на другие уроки уже не остались.

Когда позже я читала «Республику Шкид», деяния беспризорников совсем не произвели на меня впечатления, я уже повидала и похуже, но не было справедливых и добрых учителей, как там.

И началась для меня ежедневная каторга. Все госпитальные семьи были расселены в разных концах, хоть и маленького, но города. У меня не оказалось в классе ни одного своего человека. Да и в целой школе учились только двое знакомых, гораздо старше меня. Одному вскоре сломали нос, и моя мама его чинила.

Я долго ходила в школу окольными задворками, научившись у других девочек пробираться через черный ход, чтобы не встретиться с мальчишками. Это были отнюдь не безобидные шалости, а самый настоящий беспредел. Хоть какая-то безопасность была в здании школы, а на улице было всякое, вплоть до попыток изнасилования, к счастью, не со мной.

Во втором классе числились ребята 12-14-ти лет, пропустившие учение из-за войны, и прошедшие свою тяжелую школу жизни. Способом их существования было воровство и неприкрытый грабёж. Маленьким от этого было не легче, а начальству всех уровней, как всегда, наплевать.

В результате я старалась при первой возможности в школу не ходить, благо никаких справок не требовалось, скажешь, болела - и все! И только когда два главных бандита куда-то исчезли, стало немного лучше, и оказалось, что в классе гораздо больше народу, просто многие, как и я, старались не появляться.

Приободрилась и учительница. Настолько, что стала учить нас белорусскому языку. Так полагалось по программе. Был учебник, писали диктовки, учили стихи Якуба Коласа и Янки Купалы.

Местные дети плохо усваивали «настоящий» белорусский язык, не говоря уже обо мне. Люди вокруг говорили на языке, абсолютно мне понятном и без специального изучения, потому что он был русским, с включением украинских и небольшого количества собственно белорусских, а по сути немного измененных украинских или русских слов. Вот по звучанию он совершенно не похож ни на русский, ни на украинский: подчеркнуто твердо выговариваются почти все звуки.

Мучения начинались при письме. Тот, кто создал белорусскую письменность, был большой либерал, ибо основное правило грамматики гласит: «как слышится, так и пишется». Например, «пошта», но «паштовое». С одной стороны – свобода, а с другой – сначала надо знать, как литературно правильно выговаривать. Да еще русский тут путается со своими безударными гласными и приставками «при» и «пре»! Больше 3- за диктовку ни по русскому, ни по белорусскому в результате никто не получал. А я еще и в Ленинграде долго делала такие ошибки, которых не было ни у кого в классе.

Собственно, ничего больше и не осталось у меня в памяти от той школы, кроме как о неизбежной и неприятной повинности. Моими университетами в Речице стали соседские ребята, особенно младшая дочь хозяев Томка, и радио.

Во-первых, от Томки я быстро переняла местную речь и тем самым перестала выделяться среди ребят, так что меня «приняли». Во-вторых, в моем лице 12-ти летняя Томка приобрела крайне любознательную ученицу и воспитанницу. Я делала вместе с ней всю полагающуюся ей долю домашней работы. Поэтому научилась носить воду на коромысле с Днепра, стирать, полоскать на мостках, ставить и вынимать чугуны в русской печи, замешивать поило для телят, кормить кур, мыть вымя корове перед дойкой (доить ни мне, ни Томке не разрешали, чтобы «не испортить корову»), подметать улицу перед домом (было обязательно!), конечно, полоть огород, окучивать картошку, выбивать половики без пыли (надо положить в углу двора на травку и колотить, тогда пыль не летит вокруг, а остается на траве). И много еще всего разного.

Поздней осенью 45-го года мы вернулись в Ленинград. Я пошла в третий класс женской школы, в которой и проучилась до самого окончания.

И эта школа не выдерживала сравнения с сельской, но я была снисходительна из-за блокады. Разница была только в том, что уже в 1946 году все писали в настоящих тетрадках, у всех были учебники, а перья и чернила не были дефицитом. Появилось и новое установление – дневник. В него ставились отметки и писались замечания. После Юлии Федоровны и это для меня было диким. В моей первой школе все было на абсолютном доверии. Кстати, вплоть до 10-го класса тетради и учебники выдавались в школе за совершенно ничтожную плату. В редчайших случаях какой-нибудь учебник был на двоих, но вскоре и это прошло.

Наверное, потому, что это была женская школа, там на первых порах был своеобразный культ «красоты», активно поддерживаемый и некоторыми учительницами.

К каждой тетрадке полагалась промокашка, ведь писали жидкими чернилами. Она постоянно терялась, что создавало дополнительное неудобство учительнице при проверке тетрадей – нечем было промокнуть собственные записи. Поэтому промокашку надо было с помощью маленькой ленточки приклеивать к обложке тетради. Так вот «хорошим тоном» считалось не просто приклеить, а украсить место приклейки цветной картинкой. У кого цветочек, у кого собачки-кошечки, в общем, эстетику в быт! Картинки было доставать нелегко, еще и в помине не было тех разнообразных наклеек, которыми украшают себя современные дети. По мере нашего взросления, а также развития вкуса у учительниц, мода прошла. В мужских школах нечего было и думать требовать картиночки. Обошлись.

Писать аккуратно железными перьями, макая их в чернильницу, было нелегким делом. Кстати, самого разнообразного вида были и ручки, или, как называли, якобы, только в Ленинграде, вставочки. Толстые, тонкие, украшенные рисунками, деревянные, пластмассовые, костяные. Перья были самых разнообразных фасонов. Их даже коллекционировали. Большое, желтого металла, № 86. С его помощью начинали учиться писать. Остальные были белые. Они тоже имели номера, но назывались проще. Уточка – с загнутым носиком, широкая и короткая лягушка, прямое рондо, крошечное чертежное, были и еще какие-то. Каждый выбирал себе по душе. Почему-то учителями не приветствовалось только рондо.

Дело в том, что тогда еще пытались научить детей не просто писать, а писать хорошим почерком. В первом классе был предмет «чистописание». Надо было научиться писать «с нажимом»: когда перо идет вниз, то нажимаешь сильнее, и линия получается жирнее, когда вверх – отпускаешь, и линия получается тоньше. № 86 подходил для этого идеально.

Железные перья требовали перочисток. Были такие трогательные изделия из стопки цветных тряпочных кружочков диаметром 3-4 см, скрепленных в центре.

Думаю, что это не так смешно, как может казаться. Тренировка с детства координации движений и мелкой моторики пальцев необходима для полноценного развития. Недаром когда-то считалось, что железные перья, по сравнению с гусиными, «портят руку и характер». Не было бы, в конце концов, графологии, если бы почерк ничего не значил.

В каждом классе были несколько человек, обладавших красивым почерком. Им завидовали. Просили писать поздравительные открытки, поручали переписывать заметки в стенгазету. Конечно, в мужской школе на почерк обращали меньше внимания, но уж если там обнаруживался мальчик с соответствующими способностями, то это было нечто выдающееся. Знаю человека, который сделал свой каллиграфический почерк источником неплохого дохода.

В школе любили все запрещать. Нельзя было писать вечными ручками, хотя они были с похожими перьями. Строго карались первые шариковые. Разрешили их в школах только в 60-е годы.

После войны техническое обеспечение школы налаживалось довольно быстро. Уже к концу третьего класса фанеру в окнах сменили стекла. Стали лучше топить, и появился гардероб с номерками. Если потеряешь, жди, пока уйдет последний человек, тогда оставшееся пальто – твое. Вместо одной тусклой лампочки повесили по три матовых плафона на класс. В Ленинграде тоже давали бесплатно хлеб, сахар и чай. Без мальчишек была на первый взгляд, тишь да благодать, но потом и девочки себя показали.

Школ, наверное, не хватало, потому что учились несколько лет в две смены, но мне нравилось – не вставать рано. Было хорошее, просторное здание с актовым и физкультурным залами (бывшая гимназия), были учебники, были настоящие тетради, но

все-таки это было казенное *учреждение*, а не родной дом, как у Юлии Федоровны. И это я почувствовала сразу.

Влияние белорусского языка немедленно проявилось, и за первую диктовку я получила единицу. Учительница, раздавая тетради, сказала, как мне показалось, даже с каким-то удовольствием: - А хуже этого (она развернула тетрадку и показала испещренную красными чернилами страницу с огромной жирной единицей внизу) никто не написал. – Все засмеялись. - Тебя надо перевести обратно во второй класс, скажи маме, пусть придет в школу.

Учительницу я возненавидела сразу, тем более, что чувствовала несправедливость. Писала-то она, я надеюсь, грамотно, а вот говорила эта немолодая толстая, не очень опрятно одетая тетка, с каким-то диким акцентом, совсем не по-учительски.

Когда я шла домой, больше всего меня беспокоило, как же мама сможет прийти в школу, если она целый день в госпитале, а от раненых, я знала это точно, уходить нельзя. Само по себе предложение вернуться во второй класс, видимо, было для меня настолько диким, что как-то всерьез не воспринималось.

Пришла, рассказала бабушке. – Глупости какие! – сказала она, - Попишешь дома побольше диктовок, и все поправишь. Бабушке я верила безоговорочно и сразу успокоилась. Вечером сказали маме. Оказалось, у нее завтра операционный день, потом дежурство, пойдет только в понедельник. И тут же мама поступила непедагогично, явно, чтобы успокоить меня, вспомнила, как ее саму на неделю исключали из «16-й советской трудовой школы» за чрезмерно большой («непролетарский», сказали) бант у основания косы.

После маминого визита в школу, где учительница настоятельно советовала взять репетитора (уж не себя ли она предлагала?), меня «оставили условно» до окончания четверти, потому что у меня с арифметикой было хорошо. К тому времени вышло по-бабушкиному: несколько диктовок сильно улучшили дело, и вопрос был снят. При этом, бабушка решала проблему по-крупному. Она не диктовала мне из учебника разные примитивные тексты, а раскрыла сразу Тургенева, а потом Пушкина «Дубровский», который и добил остатки белорусской грамоты. Все остальные годы я была отличницей.

В четвертом классе у нас появились другие учителя, а эта, первая, вообще скоро из школы исчезла. И вот приходится сказать банальную вещь: все зависит от *каждого* конкретного человека, а особенно, если он учитель. В общем, я вспоминаю добром большинство моих учительниц (в пятом классе был единственный мужчина-историк, рассказывал про древний мир – заслушаешься, теперь думаю, что пересидел в школе тяжелые времена, уж слишком он по уровню выделялся). Они относились к нам хорошо и честно старались чему-то научить, не только их вина, если не получалось.

Мы, естественно, не пропускали ни малейшего их промаха, вволю хохотали и передразнивали. Да и как не смеяться. Одна сказала «политика НЭПа начинается на 32-ой странице и продолжается на 33-ей и 34-ой»: эта учительница вела историю, почти не отрываясь от раскрытого учебника на столе. Учительница физкультуры: «поднимайте таз шаг за шагом!». А учительница ботаники: «все в мире основано на тычинках и пестиках»! Какая получилась глубина! Но мы, конечно, веселились, понятно, почему. Эта фраза была у нас в классе крылатой до самого окончания школы.

И все-таки, средняя планка уровня образования и общего развития, как теперь видно, была, смею утверждать, гораздо выше, чем сейчас. Не проходило месяца (в течение 8 лет!), чтобы нас не водили в музеи и не по одному разу! Чаще всего, конечно, в Эрмитаж и Русский музей. В Зоологический, Арктики, Этнографический, даже Артиллерийский и Военно-Морской. А уж квартиры Пушкина и Некрасова мы знали, как свои.

Уроки химии и физики в старших классах сопровождалась экскурсиями «на производство». И даже многим девочкам (и мне) они были очень интересны. Мы видели, как делают стекло, как обрабатывают турбину для гидростанции, как делают галоши и резиновые игрушки, как разливают в формы жидкий металл, как наматывают провод на огромный трансформатор и как делают шоколад и конфеты. Не помню, чтобы кто-то прогуливал такие походы. И все это была заслуга наших скромных учительниц.

Еще нас водили в театры, причем ТЮЗ стоил так дешево, что был доступен всем, а Мариинский (тогда Кировский) и другие взрослые театры для культпоходов школьников делали огромные скидки.

Это не значит, что наша школа была какая-то особенная. Экскурсии и культпоходы школьников были обычным делом, и это не могло не влиять на наши легкомысленные мозги.

Существовали также многочисленные кружки в районном Доме Пионера и Школьника (ДПШ – в просторечье «дом подрастающей шпаны», там сейчас театр М.Боярского), Дворце Пионеров и просто в некоторых школах. Огромной популярностью пользовались шахматы, многие гроссмейстеры и чемпионы вышли из тех школьных кружков. В школах, где были хорошие залы, работали спортивные секции. Кстати, там мы общались с мальчиками, ведь до 1954 г. продолжалось это ненормальное раздельное обучение.

Все это было бесплатно, и только, если какая-нибудь школа приглашала индивидуально (по согласованию с родительским комитетом) какого-нибудь артиста (чаще всего) для драматического или хореографического кружка, с участников собирали небольшую плату. Мы гордились, что у нас танцевальным кружком руководила настоящая солистка балета.

Нам повезло, что несколько пожилых учительниц по главным предметам в старших классах были, несомненно, много выше среднего учительского уровня. Их мы, взрослеющие самонадеянные девицы, безоговорочно уважали. За знания, до которых лучшим из нас было далеко, за интересные уроки, за серьезное отношение к той ахинее, которую подчас исторгали наши уста, за чувство юмора, наконец.

Особенно хохотали мы на уроках географии. Учительница Тамара Николаевна умела шутить с абсолютно серьезным лицом и каждый раз неожиданно. И вообще она вызывала тайную зависть многих из нас. Достаточно сказать, что когда разбирали «образ Татьяны», уже замужней дамы, и прочли вслух из Пушкина «она казалась верный снимок du comte il faut» (это значит – правильно, как надо), то моя соседка прошептала: «как Тамара Николаевна!»

Одета она была всегда уместно, без всякой вычурности, пожилая, но фигуру имела такую, что самым подходящим словом было – статную. Красивые ухоженные руки (само собой, без кричащего алого лака), с одним обручальным кольцом (это в те годы, когда о венчании и заикаться было нельзя), простой узел волос низко над шеей и совсем немного косметики (уж девчонки-то все рассмотрели!). И еще вместе с ней влетал в класс тонкий, почти неуловимый запах, не духов, а лишь намек на духи. Влетал и успокаивался, а вспархивал вновь, когда она уходила после урока.

Конечно, она была насмешница! Но мы не обижались – было смешно, но не злобно.

Например, девочку очень маленького роста, но имевшую манеру говорить страшно быстро, так что даже мы не всегда могли ее понять, Тамара Николаевна ласково прерывала: «Дитя мое, мы никуда не спешим. Еще раз произнесите помедленнее. Заодно и расскажете все правильно». В старших классах нас уже называли «на вы», так что «дитя» особенно всем нравилось.

Вот мается кто-то у карты западного полушария и никак не может показать нужный остров. Тамара Николаевна вздыхает и отпускает что-нибудь вроде: «Белова, хорошо, что Вас не пригласили в экспедицию Колумба, могла бы произойти всемирная катастрофа!». Но тут же сама показывает, где высадился Колумб, и попутно сообщает мелкие интересные детали, вроде того, что индейцы никогда не видели лошадей.

Однажды нам даже был рассказан к случаю анекдот. Добиваясь в очередной раз правильного ответа, Т.Н. бросила: «К черту подробности, какой это океан?». Видя, что юмор мы не оценили, она повеселила нас рассказом о пьяном, который, очнувшись на улице, спросил: «Где я?», а услышав название улицы, вскричал: «К черту подробности, в каком я городе?».

А бывало и так, и тоже совершенно неожиданно. Слушает ответ у доски, не перебивая. Потом поворачивается и с неподдельным изумлением говорит: «Самохина, где вам удалось добыть такую уйму знаний?» Все хохочут. Самохина, если обладает чувством юмора, тоже. «Вынуждена поставить отлично!»

Но иногда следовало и такое: «Нет такой глупости, которую бы не произнесли в вашем классе!».

Преподавая экономическую географию зарубежных стран, она старалась, чтобы у нас закрепились хотя бы элементарные представления. И однажды устроила такую игру «на ассоциации». Она называла страну или город, а мы должны были говорить, что производят, чем это место знаменито. Голландия – тюльпаны. Швейцария – часы и так далее. И вот она говорит: «Конго», а в ответ - «Людоеды!» Совершенно невозмутимо Т.Н. парирует: «Когда будете в Конго, я Вам не советую сразу делиться своими знаниями!»

Что касается точных наук, то когда я поступила в университет, на мат-мех, то в полной мере оценила уровень математического образования в нашей школе. Я чувствовала себя уверенно без всяких дополнительных занятий и кружков.

С математикой было проще, идеология туда не вмешивалась. А вот как нелегко приходилось литераторше, я поняла много позже. Например, Достоевский в программу не входил. Но были так называемые консультации по внеклассному чтению. На них и было нам рассказано про Достоевского. А в другой раз был приглашен профессор из педагогического института прочитать лекции по зарубежной классической литературе. Ведь Шекспир, Байрон, Гете, и иже с ними в обязательную программу не входили и были удостоены в хрестоматии лишь 1-2 страниц мелким шрифтом. – Читайте, больше читайте! – не уставала повторять наша учительница. Впрямую на идеологические темы она не говорила, и даже советскую классику ухитрялась анализировать с чисто литературной точки зрения.

В результате из двух десятых классов подавляющее большинство поступило в вузы.

Ведь тогда система школьного образования была такая. Первые четыре класса – начальная школа. После нее можно было поступать в так называемые «ремесленные училища», тоже отдельно для девочек и мальчиков. Там давали образование в объеме семи классов школы и простую профессию: электрик, швея, механик, плотник, и тому подобное. Многие приезжали из провинции и жили в общежитиях. Ремесленники носили особую форму серого мышиного цвета – брюки и гимнастерка с широким ремнем с буквами «РУ» на пряжке. Полагалась и фуражка с такой же кокардой.

Знакомых девочек, ушедших после четвертого класса, у меня не было. А о мальчиках ходили страшные рассказы: «отдали в ремеслуху!». И наши учительницы бесхитростно пугали: «Ты что, в ремесленное захотела?». Судя по всему, нравы там царили суровые. Поблизости от нашей школы было такое училище. На перемене они либо высыпали на улицу и кидались, чем попало, причем самым невинным были снежки, либо высовывались из раскрытых окон и тоже кидались, например бумагой, смоченной

чернилами, или просто плевали вниз. Не было школьника, который бы не переходил на другую сторону улицы, либо вообще не шел окольным путем, во время таких «рекреаций».

Семилетка называлась «неполная средняя школа», после нее выдавали красивое большого формата (А4) «Свидетельство», где даже были вписаны отметки по предметам. После семи классов можно было продолжать учиться в школе, но уже внося плату за обучение, заканчивать десять классов и получать «Аттестат зрелости», либо поступать в техникумы и училища, где «Аттестата» не было, но зато платили стипендию и давали специальность, так что можно было начинать зарабатывать уже с 17 лет.

Плату за обучение в десятилетке отменили, когда был принят Закон об обязательном всеобщем среднем образовании, если я не ошибаюсь, в 1953 г.

«Аттестат» сразу давал право поступать в вуз, а диплом техникума, если только ты попадал в так называемые «пятипроцентные» (5% самых лучших из выпуска по отметкам). Были прекрасные техникумы, которые славились на весь город, как например, радиоэлектронный при заводе «Светлана», готовивший буквально «штучных» специалистов. В отличие от нынешнего времени в конце 40-х огромным престижем пользовались технические вузы. Многие мальчики, всерьез задумывавшиеся о своей специальности, шли в техникумы, чтобы познать профессию на практике, а потом поступить в вуз. То же самое с медициной: медучилище было хорошей базой для дальнейшей учебы в институте.

И все бы хорошо, если бы не «всеобщая воинская повинность», которая как начала в незапамятные времена на Руси калечить жизнь миллионам молодых мужчин, так и не перестает до сих пор. Из техникумов и после техникумов брали и берут в армию. На самом взлете на три года тормозят твоё развитие. Не все уже могут потом нагнать.

Конечно, и в то время были разные способы избежать армии («косить» - более поздний термин). Но большинство городских мальчишек старались попасть в десятилетку, а потом в вуз. Наиболее рискованные покупали «Аттестат зрелости». Тогда это делалось не столь свободно, как сейчас, но зато и относительно дешевле стоило. (Кстати, покупка поддельного диплома об окончании вуза тогда еще было случаем чрезвычайным). Был и еще очень популярный способ. Действительно высоко стоял, естественный после Победы, авторитет высших военных и военно-морских училищ, которых в Ленинграде было много. Поступление туда освобождало от срочной службы и давало хорошую специальность. Многие из моих сверстников выбирали этот путь.

Девочкам было проще: получил «Аттестат» и выбирай любой вуз. С золотой медалью принимали вообще без экзаменов, с серебряной - надо было сдавать только два. В 1953 г., когда я окончила школу, еще не было таких диких конкурсов. Неизменный, и до сих пор необъяснимый для меня конкурс, существовал лишь на филфак Университета. Поэтому реальная свобода выбора была для всех, кроме лиц неподходящей национальности, о чем все знали, но вслух обсуждали только с близкими людьми. Неподходящими для высшего образования лицами, по крайней мере, в Ленинграде, были не только евреи, но и татары, а также представители кавказских и некавказских репрессированных народов, которые были высланы на восток полностью. Чем престижнее был вуз, тем строже соблюдалось это правило. Пальма первенства, конечно, принадлежала Университету, совсем не случайно носившему тогда имя Жданова.

Так или иначе, народ находил выход. Взятки и коррупция – не открытие времен перестройки. Только тогда всем этим ведала всемогущая Партия (сначала ВКП(б), а потом КПСС). Были и вполне бесплатные способы. Например, ты переходишь в десятый класс вечерней школы и одновременно устраиваешься работать на завод. Через год ты

имеешь право поступать в вуз по так называемой «рабочей квоте», раз у тебя в анкете написано, что ты - рабочий. У нас ведь государство рабочих и крестьян, значит, им должно быть преимущество при поступлении!

Из нашей школы все, кто хотел, в вузы поступили. Не пошли туда несколько девочек, которые по материальным соображениям стремились скорее получить специальность и начать работать. Они поступили в хорошие техникумы, где для окончивших десятилетку был сокращенный срок обучения. Кстати, и обучение в вузах еще было платное года до 56-го, хотя и вполне доступное по цене.

Кто бы мог тогда предположить, что Закон о всеобщем среднем образовании будет отменен?